
Ценностные ориентации россиян в 90-е годы

Владимир Пантин, Владимир Лапкин

ПОНЯТИЯ:

Ценности — обобщенные представления людей о наиболее значимых целях и нормах поведения, определяющие видение ими действительности, задающие ориентации их действиям и поступкам во всех сферах жизни и в значительной мере формирующие «жизненный стиль» общества. Система, или совокупность, доминирующих ценностей выражает в концентрированном виде особенности культуры и исторического опыта общества.

В попытке объяснить, что же произошло с Россией в последнее десятилетие, одни обращают внимание на ошибки государственных лидеров, другие списывают все российские невзгоды на происки многочисленных «врагов», третьи подчеркивают неготовность страны и ее элиты к начавшимся преобразованиям. На наш взгляд, эти объяснения не раскрывают подлинных причин переживаемого Россией кризиса, коренящихся прежде всего в мировоззрении, ценностях и ориентациях людей. Между тем для большинства россиян последние десять лет стали временем ценностного слома — глубокой и отнюдь не безболезненной перестройки базисных предпочтений, установок, жизненных ориентиров. Есть основания полагать, что именно эта не завершенная до сих пор трансформация — причина многих противоречий и парадоксов нашей действительности, а непреодоленный кризис ценностных ориентаций в конечном счете лежит в основе непреодоленности и всех остальных кризисов нынешнего российского общества.

Кому-то может показаться, что переход к демократии, адаптация к рыночным ценностям не более сложны для россиян, чем, скажем, для граждан посткоммунистических стран Восточной Европы. И действительно, российское общество урбанизировано, индустриально развито, а присутствующие ему когда-то архаические, традиционные ценности были разрушены еще в советский период вместе с патриархальным бытом и прежними условиями. Однако при этом в тени остается одна важная особенность, свойственная только советскому социуму, — тотальность социальных разрушений, когда вместе с архаикой были уничтожены ростки самосознания личности, автономной от государства, а на расчищенном поле сложилась по-своему уникальная система ценностей советского человека.

Именно она фактически блокировала формирование в нашей стране современного гражданского общества и рыночных отношений. Вот почему попытка перехода к демократии и рынку в России, в отличие от тех стран Западной и Восточной Европы или Латинской Америки, где такой переход был успешным, сопровождалась необычайно сложными, противоречивыми и, можно сказать, беспрецедентными процессами в ценностной сфере.

В принципе система доминирующих ценностей всегда существенно обновлялась при движении от авторитарных и особенно тоталитарных режимов к демократии, о чем пишут, в частности, Сеймур Липсет¹, Роберт Даль², Дэвид Растоу³, Николай Лапин⁴, Андрей Мельвилль⁵ и др. Но еще никогда и нигде переход к демократии и рынку не происходил при столь разительном разрыве между исходными и искомыми конечными ценностями. Поэтому и результаты российских преобразований на сегодняшний день оказались совсем иными, чем, например, в восточно-европейских странах.

Изучение того, в каком направлении меняются ценности в российском обществе, имеет не только научный, но и большой практический интерес. В свете этого мы попытались в данной статье ответить на вопросы:

- как изменились ценностные ориентации российского общества и его отдельных групп в 90-е годы?
- каковы социально-политические последствия этих сдвигов? в какой степени они способствуют продвижению России к демократии и рынку?
- в каком направлении эволюционируют и будут эволюционировать ценности постсоветского человека в переходный период?

Ответы на поставленные вопросы может отчасти дать углубленный комплексный анализ результатов массовых опросов, которые проводились в разное время социологическими службами, а также привлечение обширного массива эмпирических данных о взаимосвязи ценностных сдвигов с изменениями в социально-политической жизни. Мы опираемся в первую очередь на конкретные социологические исследования (все-российские массовые репрезентативные опросы) Фонда «Общественное мнение» 1992—1999 годов, в ряде которых сами принимали участие. Цель этих исследований — выявить динамику политических и других ценностных ориентаций жителей России в период становления новых политических и экономических институтов⁶. В статье использованы также материалы других научных центров и отдельных специалистов.

Исходный пункт — советские ценности

Мы берем за точку отсчета систему ценностей советского общества. Ее полное доминирование накануне перестройки и в начале демократиче-

ских реформ можно объяснить тем, что традиционная культура старой России (включая ее дворянскую, крестьянскую, купеческую и городскую мещанскую субкультуры) после 1917 года была практически уничтожена, а ее место в массовом сознании заняли советские мифы, ценности и «традиции».

Разумеется, ценности позднего советского времени не были простым слепком с официальной коммунистической идеологии — во многом они результат компромисса между реальной жизнью, идеологическими догмами и патерналистским сознанием старой России, преобразившимся в своего рода «религию тотального государства». Ядром системы советских ценностей, как показывают отечественные и западные исследования⁷, были не идеи социализма и коммунизма, а представления о государстве как источнике всех социальных благ, прав и обязанностей граждан. Советское сознание отличает то, что в нем присутствует миф о государстве — собственнике всех материальных ценностей, всех продуктов прошлого, настоящего и будущего труда его «подданных», одаряющем их этими благами «по заслугам» перед тем же государством на принципах социальной справедливости и равенства. Поэтому центральной советской ценностью, под которую подстраивались, видоизменяясь, все остальные, было **Государство** с большой буквы, дарующее свет и тепло, жизнь и благоденствие.

Прочно укорененная в сознании и ценностях значительной части советского общества особая разновидность государственного патернализма имела мало общего с классическим патернализмом, известным из истории других стран. Особенность его советской версии — в полном сращении основных социальных ценностей со взглядом на государство как единственную силу, способную обеспечить социальные права граждан. При этом полностью отсутствовало представление о возможности договора между отдельным человеком и государством или между обществом и государством. Государство, будучи единственным реальным субъектом, высшей силой и непререкаемым авторитетом, господствовало над множеством реальных интересов и потребностей. Чиновники и даже высшие руководители могли ошибаться, государство же — никогда, ибо это было совершенное государство, государство-отец, государство-бог⁸.

Аналогичным образом понимались и многие другие ключевые ценности, приобретавшие специфически советскую окраску. Так, «социальная справедливость» означала распределение благ государством в соответствии с заслугами перед ним и позицией их получателя в иерархии государственных постов, чинов и профессий. «Равенство» предполагало не равенство всех перед законом (здесь были равные и «еще более равные») или равенство возможностей, как оно понимается на Западе, а равенство опять-таки в распределении материальных благ государством и в испол-

нении обязанностей перед ним — разумеется, с учетом места, занимаемого в советской иерархии. «Порядок» — очень важная ценность для советского и постсоветского сознания — означал прежде всего порядок в рамках государства, устойчивую систему власти, обладающей силой и авторитетом, и лишь в самой малой степени воспринимался как порядок в делах отдельного человека или малой группы.

Оборотной стороной господства государственного патернализма, как ни парадоксально на первый взгляд, стало подспудное формирование так называемого потребительского эгоизма или потребительского индивидуализма — характернейшей черты постсоветского сознания, подробнее о которой будет сказано ниже. Это явление получало развитие по мере того, как пресс государственного принуждения по отношению к лояльным советским гражданам ослабевал, а всеобъемлющая зависимость рядового потребителя от государства по-прежнему сохранялась. Если до середины 30-х годов ценностные установки побуждали большинство людей к хозяйственной самостоятельности, тогда как советское государство стремилось искоренить такую психологию, то в эпоху «развитого социализма» произошла *инверсия*: навязанное государством потребительское иждивенчество стало нормой, а стремление к хозяйственной самостоятельности — аномалией. В таких условиях социальные связи между отдельными людьми неизбежно ослабевали; каждый превращался в потребителя-индивидуалиста, ожидавшего, чтобы государство удовлетворило его потребности, а потому видевшего в других людях прежде всего конкурентов на потребительском поприще, а не потенциальных компаньонов. Как известно, советская власть пыталась бороться с потребительским индивидуализмом, навесив на него ярлык «мещанства» и «потребительства», активно пропагандируя ценности «советского коллективизма» и «трудового энтузиазма». Однако по мере того как общество усложнялось и дифференцировалось, становилось более урбанизированным, идеология, рассчитанная на малообразованную массу выходцев из деревни, начинала давать сбой. Официальные ценности «коллективизма» и «энтузиазма» все меньше влияли на поведение людей, постепенно становясь частью мифа о героическом прошлом. Аскетизм вышел из моды, и с 70-х годов люди в реальной, а не выдуманной жизни все чаще руководствовались гедонистическим принципом *«красиво жить не запретишь»*. В недрах советской системы ценностей, основанной на обожествлении Государства, вызревало ее своеобразное, хотя и не вполне продуктивное самоотрицание.

Надо также иметь в виду, что, несмотря на процессы социальной дифференциации, которые происходили в стране в 70–80-е годы, в ценностном отношении советское общество вплоть до конца 80-х оставалось довольно однородным. И хотя его «монолитное единство» не более чем миф,

набор идеальных представлений и ценностей, свойственных ему, был и на самом деле удручающе беден. Даже эмигранты, уезжавшие из Советского Союза в страны Запада, как показали авторитетные исследования, проведенные в США в начале 50-х («Гарвардский проект интервью с эмигрантами») и в 80-х («Проект советских интервью»), во многом разделяли представления о всемогуществе государства в обеспечении социальных прав и жизненных стандартов⁹. Тем более это было присуще основной массе населения СССР, не имевшей представления о других способах взаимоотношений индивида и общества с государством, нежели патерналистский.

Лишь в конце 80-х годов прежняя ценностная система начала интенсивно размываться; переосмысливались такие ценности, как личность, государство, свобода, справедливость, демократия, права человека, деньги и т.п., сначала на уровне отдельных людей — диссидентов, а потом и социальных групп. Фактически менялась сама картина мира, владевшая умами россиян, а это дало толчок тектоническим сдвигам в ценностной сфере, которыми ознаменовались 90-е годы и которые до сих пор еще далеки от своего завершения.

Этапы эволюции

Можно говорить о трех основных этапах ценностной эволюции россиян в 90-е годы, причем для каждого из них характерны свои процессы. Первый этап охватывает 1990—1993 годы, второй — примерно соответствует периоду 1994—1997 годов и третий — с 1998-го по настоящее время.

Период 1990—1993 годов — это время распада господствующей системы идеологизированных советских ценностей и сдвигов в самых разных направлениях: к либерально-демократическим ценностям современного западного общества; к «традиционным» ценностям в их почвенническом прочтении; наконец, к асоциальным ценностям маргинальных и люмпенизированных слоев. В этот период шло расщепление более или менее однородного в ценностном отношении общества, превращение его в общество ценностно-гетерогенное. В числе основных причин происходивших сдвигов было массовое разочарование в возможностях государственного патернализма, ощущение несоответствия происходящего должному. Для этих лет характерна повышенная политизация большинства россиян, проявившаяся, в частности, в возросшем рейтинге ценностей *свобода, демократия, права человека*; напротив, идеологизированные советские ценности (*интернационализм, коллективизм, энтузиазм, борьба* и т.п.) стремительно теряли свою силу и отходили на второй план.

В течение этого краткого, но бурного периода формировались различные, порой конфликтовавшие друг с другом ценностные блоки. Так, с одной стороны, широкие слои российского населения осваивали такие важ-

ные для современного общества ценности, как *профессионализм, личное достоинство, свобода выбора убеждений и поведения, деловитость, неприкосновенность частной собственности, невмешательство государства в частную жизнь граждан* и пр. С другой стороны, многие ценности советского общества обрели как бы второе дыхание, приняв облик ставших теперь популярными «традиционных русских ценностей» (например, *патриотизм, терпеливость, выносливость, равенство, гарантии социальных прав личности, чувство долга*). В результате сформировались противостоящие друг другу ценностные блоки: условно «либерально-рыночный», «советский», «традиционный», «православный» и т.п. Наряду с политическим и социальным происходило также ценностное размежевание, достигавшее иногда остроты открытой конфронтации, раскола. Однако главная особенность этих процессов в том, что различные, в том числе противостоящие, ценности и блоки ценностей (даже полярные, например «либерально-демократические» и «советские») нередко сосуществовали в сознании одной и той же социальной группы, более того, уживались в голове одного человека. Эта особенность, выявленная в ходе многочисленных социологических исследований, по мнению социологов, следствие чрезвычайно противоречивого характера процессов, происходивших в обществе.

Во **второй период (1994–1997 годы)** на авансцену выдвинулись процессы ускоренного ценностного размежевания между элитными и массовыми группами, а также между молодежью и людьми старших возрастов. Если в первый период главный ценностный раскол проходил между довольно многочисленными политизированными сторонниками «демократов», с одной стороны, и их противниками — с другой, то теперь он отошел на второй план. Элитные и примыкавшие к ним группы, укрепив свое положение, активно осваивали новые ценности, соответствовавшие чрезвычайно выгодным социальным позициям этих групп. В то же время массовые слои российского общества, в значительной мере ощущавшие себя «беспризорными», брошенными государством на произвол судьбы, культивировали совсем иные ценности — некую смесь «старого» и «нового», появившуюся в результате адаптации прежних социально-политических, патерналистских установок к реальности, в которой государство самоустранилось.

Исследования Фонда «Общественное мнение», проведенные в эти годы, позволили зафиксировать основную линию ценностного размежевания постсоветского общества, проходившую между элитаобразующими (директора предприятий, предприниматели, управленцы, фермеры и др.) и массовыми (работники бюджетной сферы, рабочие, рядовые работники села, пенсионеры и др.) группами¹⁰. Это размежевание отражало и продолжает отражать резкие различия в положении элитных и мас-

совых слоев: неравенство личностных ресурсов (уровень образования, квалификации и т.п.), «социального капитала», несходство жизненных стратегий и в конечном счете конфликт между субъектами политических, экономических, социальных решений и основной массой населения.

Элитаобразующие группы в большинстве случаев демонстрируют солидарную позицию по широкому кругу базовых ценностей, но есть и такие ценности (*деньги, богатство, индивидуализм, воля/вольница, законность, чувство долга, коллективизм, справедливость, равенство, верховенство государственных интересов над интересами личности*), по отношению к которым они расколоты. Этот ценностный конфликт внутри групп, формирующих российскую хозяйственно-политическую элиту (между ориентирующимися преимущественно на рыночные, с одной стороны, и на административно-государственные — с другой, механизмы управления), весьма показателен. Он свидетельствует не только о неоднородности российской элиты, но и о важных особенностях ее ценностных предпочтений, об их эволюции. В частности, отказ от принципа «хозяйственной монополии», ключевого для прежней советской руководящей элиты, в пользу рыночного принципа конкуренции сопровождается, как правило, заметным снижением чувства социальной ответственности и переориентацией на ценности беззастенчиво-эгоистического потребительства.

Вместе с тем и в этот период российское общество как совокупность массовых социально-демографических групп в гораздо большей степени сохраняло свою однородность (по крайней мере, в отношении базовых, значимых для большинства населения ценностей), нежели можно было ожидать на основании широко распространенных представлений о присущих ему глубоких расколах. Ценностное ядро массового сознания, освобождаясь от поверхностно-идеологизированной оболочки, демонстрировало свою прочность. В известной мере оно противостояло процессам размывания и поляризации, эволюционно трансформируясь, но не разрушаясь. Ценностная же поляризация общества проявлялась прежде всего в нарастающем разрыве между «отцами» и «детьми» (между старшей — более 55 лет — возрастной группой и молодежью до 25 лет), а также между людьми с начальным и высшим образованием.

При этом поляризация по возрастному признаку, затрагивая ключевые для современного общества ценности, связанные с рыночными отношениями, наиболее точно характеризует особенности адаптации к ним этих двух возрастных групп. Так, исследование, проведенное Фондом «Общественное мнение» в 1994 году, показало, что наибольшие различия между крайними возрастными группами наблюдались в отношении к ценностям *труд, деньги, свобода, личное достоинство, трудолюбие, собственность, профессионализм, образованность* (см. табл. 1).

Рейтинг некоторых ценностей

Ценность	Возрастная группа		Образование	
	16–25 лет	свыше 55 лет	начальное	высш.
Труд	45	61	61	56
Права человека	59	49	42	62
Деньги	62	44	49	48
Свобода	59	36	27	48
Личное достоинство	55	35	23	51
Трудолюбие	31	49	49	42
Собственность	46	26	23	41
Профессионализм	40	19	9	46
Образованность	45	29	17	52
Вера в бога	22	24	30	18

По большинству других ценностей, в том числе таких, как *семья, безопасность, демократия, богатство, законность, коллективизм*, существенных различий между возрастными группами не обнаружено. Таким образом, размежевание между «отцами» и «детьми» проходило и до сих пор проходит по строго определенным линиям. Прежде всего это отношение к труду. К сожалению, ценность *трудолюбия* в его прежнем смысле оказалась девальвированной в глазах значительной части молодежи и сохраняется преимущественно в старших возрастных группах с традиционным сознанием, которые сопротивляются переменам. С данным фактом приходится считаться тем, кто пытается понять психологию новой, «рыночной» генерации россиян: многие из них склоняются не к аскетизму и самоограничению во имя интересов дела, накопления капитала и т. д., а скорее к «гедонизму», когда обретенный капитал служит в первую очередь максимизации наслаждения. Мы вовсе не утверждаем, что у России вообще нет шансов укоренить отечественный аналог протестантской этики. Речь идет лишь о том, что процессы середины 90-х не слишком благоприятствовали такой тенденции и вряд ли в этом отношении надежду можно связывать с «новым поколением» россиян, вступившим в трудовую жизнь в последние годы. Предстоит, по-видимому, гораздо более трудный и длительный путь.

В то же время линия размежевания между «отцами» и «детьми» затрагивала одни ценности современного либерального общества (*свобода, личное достоинство, профессионализм, собственность, деньги*) и не затрагивала другие (*демократия, законность, гарантии политических прав личности — свобода слова, собраний, демонстраций, участие в выборах и пр.*). Дело в том, что после 1993 года на волне разочарования в политике молодежь, поддерживая либерально-рыночные ценности, вместе с тем предпочитала не участвовать в политической жизни. Такая позиция многих молодых людей проявилась на выборах в Государственную думу в 1993 и 1995 годах и отчасти на президентских выборах 1996-го, когда представители старшего поколения голосовали гораздо активнее, чем молодежь. Подобная реакция на действия политиков понятна, как понятно и то, что молодые люди далеко не всегда осознают связь между возможностью пользоваться благами либерально-рыночного общества и необходимостью участвовать в политике, чтобы защитить либеральные принципы. Между тем опыт свидетельствует, что либерально-рыночные ценности без их политической составляющей не могут надежно укорениться в сознании даже самых на первый взгляд продвинутых групп общества.

Ценностная поляризация по шкале образования не менее значима, но характер ее несколько иной (см. табл. 1). В отношении к большинству ценностей, в том числе и таких, как *труд, трудолюбие, деньги*, существенных расхождений между группами с разным уровнем образования не наблюдалось. Вместе с тем линии размежевания проходили по важнейшим позициям, характеризующим современную политическую культуру: *права человека, свобода, личное достоинство, чувство долга, собственность, образованность, гуманизм, профессионализм*. Это еще одно направление, по которому традиционное сознание (представленное в данном случае позицией россиян с начальным образованием) устойчиво сопротивляется переменам. Россияне же с высшим образованием показали себя наиболее подготовленной к освоению либерально-рыночных ценностей социальной группой. Впрочем, она выглядела таковой по отношению скорее к ценностям идеализированной либеральной демократии, ее «идеологии», тогда как по степени адаптированности к реалиям переходного российского общества со всеми его несовершенствами и деформациями явно уступала той же новой, «рыночной» генерации молодых россиян. Повышенная потребность в самореализации и обостренное чувство социальной неудовлетворенности, характерные для более образованных слоев, формировали их критическое отношение к действиям власти (при одновременной поддержке курса на преобразование).

Все эти явления вполне соответствуют общей тенденции периода 1993—1997 годов — усилению в сознании большинства россиян роли идеологизированных и деполитизированных ценностей. Эта тенденция

была зафиксирована в уже упоминавшемся исследовании Фонда «Общественное мнение», проведенном в 1994 году, когда обнаружилось, что на первый план устойчиво выходят такие деидеологизированные и жизненно важные ценности, как *семья, безопасность, совесть, порядок, труд, права человека, деньги, законность*. Подобную же тенденцию обнаружила и группа исследователей под руководством Игоря Дубова, сопоставлявшая данные всероссийских опросов 1993 и 1995 годов¹¹: в этот период, согласно их данным, статистически значимо возросла распространенность ценности *порядочность*. То же наблюдалось и в отношении ценностей *семья, успех, достаток*. Интересно, что все их нельзя однозначно отнести ни к «советским», ни к «западным», ни к полностью «традиционным», ни к полностью «современным»; они как бы обозначают потребности и проблемы из числа наиболее важных для российского человека относительно к идеологии и культурному типу. В то же время существенно упали в глазах респондентов такие идеологически окрашенные ценности, как *могущество, процветание, держава, демократия, порядок, мир, справедливость*.

Третий период — после 1997 года — ознаменован противоречивыми процессами ценностной консолидации и ценностного размежевания внутри самих элитных групп, а также оживлением в сознании широких слоев российского общества ценностных ориентаций, связанных с государственным патернализмом и российской версией авторитаризма. В 1993—1997 годах казалось, что формировавшийся после 1993-го «пакт элит», который резко усилил социальное и ценностное размежевание между элитой и основной массой населения, приведет хотя бы к консолидации внутри самой элиты. В «политическом классе» России впервые заговорили о примирении «красных» и «белых», размывании водораздела между ними, о том, что коммунисты постепенно «врастают во власть», становятся внутрисистемной партией и т.п. Однако кризисный 1998 год обнаружил всю непрочность внутриэлитной консолидации, выявил наличие противостоящих друг другу интересов и ценностей у различных ее представителей: старых элитных групп (директора предприятий, относящихся к «застойным» отраслям, руководители колхозов, совхозов и местных органов власти в депрессивных регионах и т.д.), с одной стороны, и новых элитных групп (предприниматели, директора предприятий, работающих на экспорт, руководители местных органов власти в наиболее богатых регионах и т.п.) — с другой. «Пакт элит», долгие годы пребывавший в стадии формирования, так и не обрел легитимных форм, не воплотился в систему политических институтов. Другими словами, сегодняшний конфликт интересов и ценностей, возникнув как раскол между элитой и основной массой населения, затронул в конечном счете и сами элитные группы. За фасадом внешнего единства внутри российской элиты

вызревал глубокий и непримиримый конфликт ценностей, в 1998—1999 годах ставший явным и принявший политические формы.

В свою очередь, некоторое усиление в массовом сознании идей и ориентаций, связанных с государственным патернализмом, обрело парадоксальные формы, заметно отличающиеся от его классического советского варианта. Это явление можно было бы условно назвать «квазиавторитаризмом». В отличие от классического авторитаризма, предполагающего сочетание экономических свобод, невмешательства государства в частную жизнь граждан с резким ограничением политических свобод, для немалой части российского населения (в 1997 году не менее 20 проц.¹²) идеальным представляется жесткий государственный контроль над экономикой при сохранении политических прав и свобод. Такой «квазиавторитарный» тип ориентаций соединяет взаимоисключающие ценности свободы и демократии в политической сфере с ценностью государства как единственной силы, обеспечивающей порядок в экономике и даже само ее функционирование. Подобного режима в истории не было, тем не менее для многих российских граждан это желанный идеал, соединяющий привычную ориентацию на государство-хозяина, государство-отца с некоторыми по виду либеральными предпочтениями в политической сфере — например, свободными выборами.

Не составляет большого труда определить, в какую сторону будет эволюционировать подобный режим, если учесть, что «квазиавторитаристы» по своим ценностным ориентациям легко смыкаются с теми, для кого ни экономические, ни политические права и свободы не представляют какой-либо ценности. Сильная авторитарная власть в условиях сегодняшней России (как, впрочем, и нарастание хаоса при бездействии власти) может стать прологом к новому пришествию тоталитаризма.

Общие тенденции

Итак, на протяжении 90-х годов доминировавшая прежде система ценностей советского общества подверглась существенной эрозии. Это сделало возможным дрейф ценностных ориентаций в самых разных направлениях и привело к заметному ценностному размежеванию среди россиян. На основе различных систем ценностей складываются те или иные социокультурные типы отношения к политическим и экономическим изменениям — в частности, формируются оценки, порой противоположные, причин политического и экономического кризиса в России 90-х годов. Так, в 1995 году 32 проц. опрошенных были согласны и столько же не согласны с тем, что причина кризиса в России — отсутствие «условий для хорошей производительной работы». Сходным образом (35 проц. согласны и 32 не согласны) респонденты отнеслись и к тезису «в России разучились работать по-настоящему», в какой-то мере противоречащему предыдущему. В числе возможных причин кризиса

была названа и такая: «западные страны проводят политику, направленную на ослабление России» (42 проц. согласны и 15 не согласны). А вот этнофобские объяснения не очень популярны: мнение, что «русские оттеснены нерусскими от руководящих должностей, престижных профессий, собственности», разделяли всего 18, а выражали несогласие с ним 38 процентов опрошенных. (Правда, расплывчатая, менее сфокусированная ксенофобия распространена значительно шире.) Налицо существенно различное восприятие российскими гражданами и самого кризиса, и его причин, что во многом обусловлено их ценностными предпочтениями.

Социологические исследования позволяют выявить в российском обществе ценности разделяющие и ценности объединяющие различные социальные группы. К числу наиболее дифференцирующих можно отнести *образованность, профессионализм, личное достоинство, трудолюбие, права человека*. Среди представителей элитообразующих групп (предприниматели, управленцы, директора, руководители колхозов и совхозов) рейтинг этих ценностей, как правило, существенно выше, чем среди представителей массовых групп (пенсионеры, рабочие, колхозники и др.). Такого рода устойчивый отрыв элитообразующих групп от массовых слоев отражает стремление российского истеблишмента консолидировать общество вокруг современных ценностей — *образованности, профессионализма, личного достоинства, трудолюбия, прав человека*. Проблема, однако, в том, что подобному умонастроению противостоит пассивное, но весьма устойчивое сопротивление большинства массовых групп, оказавшихся в положении социальных аутсайдеров и не заинтересованных в консолидации общества по правилам, предложенным элитой, то есть на основе ценностных приоритетов, не оставляющих им надежды на изменение своего сегодняшнего бедственного положения. Вполне возможно, что именно этот конфликт ценностей лежит в основе взаимного непонимания российской власти и рядовых граждан. По остроте и возможным социальным последствиям он гораздо опаснее, нежели ценностный разлад между «отцами» и «детьми», высокообразованными и малообразованными и даже «бедными» и «богатыми». Поэтому глухота элиты к ценностным приоритетам и ориентациям массовых слоев может привести к еще большему обострению социально-политического кризиса и к углублению раскола общества, что чревато катастрофой.

Общая картина ценностного размежевания общества разительно меняется при переходе от профессиональных групп к социально-демографическим, различающимся по уровню образования, возрасту и уровню доходов. Ценности, которые существенно дифференцируют российское общество в срезе профессиональных групп, при социально-демографическом подходе обретают, как правило, качество интегративности. Так, из общего числа 59 ценностей, использованных в исследовании Фонда

«Общественное мнение»¹³, только 10 дифференцируют социально-демографические группы. При этом лишь пять из них можно считать действительно общественно значимыми — это *демократия, справедливость, деньги, равенство и терпеливость*. Именно по отношению к этим ценностям происходит социально-групповое размежевание, а значит, сплотить российское общество на их основе в настоящее время невозможно.

Дифференцирующим тенденциям противостоят тенденции, ценностно объединяющие различные профессиональные, элитные и массовые группы. Характерно, что интегративные ценности, — а среди них *семья, безопасность, свобода, духовность, гуманизм*, — по самой своей природе несут мощный заряд общественной консолидации и стабильности, который и следовало бы использовать силам, заинтересованным в общественно-политическом согласии. Особенно это относится к первым трем ценностям, имеющим высокий и устойчивый рейтинг среди российских граждан и вместе с тем составляющим основу современного общества¹⁴.

Есть еще несколько сквозных тенденций, характерных для процессов трансформации ценностной сферы россиян в бурные 90-е.

Во-первых, это деидеологизация ценностных предпочтений. Рядовой, «среднестатистический» житель России предстает прежде всего прагматиком, поставленным в сложную переходную ситуацию и пытающимся сочетать самые разные, на первый взгляд несочетаемые, ценностные установки. Приоритетными становятся ценности, которые не столько олицетворяют устойчивые идеологизированные нормы и принципы поведения в стабильном обществе, сколько отражают наиболее кричащие проблемы современной России. Особо следует сказать о возрастающей роли таких ценностей, как *материальный достаток* и *стабильность жизни*. В частности, опрос, проведенный фондом «Общественное мнение» в апреле 1998 года, показал, что в ряду ценностей индивидуальной жизни *материальный достаток, благоустроенное жилье, хорошие бытовые условия* занимают второе место (61 проц.) после *собственного здоровья, здоровья близких* (76), а *стабильность жизни, отсутствие потрясений* — третье место (33 процента). По мере ухудшения материального положения большинства россиян и нарастания нестабильности их жизни эти основополагающие ценности выходят на первый план, отодвигая идеологизированные на задворки сознания.

Все это не означает, что советские или любые иные идеологизированные ценности канули в небытие, — они лишь ушли в глубины сознания. Какой-либо острый политический кризис вроде кризиса вокруг Югославии может их снова активизировать. И все же основная масса россиян пока что не склонна ставить во главу угла идеологию и идеологизированные ценности — ни либерально-демократические, ни консервативные, ни коммунистические, ни какие-то другие.

Во-вторых, сквозная тенденция 90-х годов — формирование и развитие так называемого потребительского или адаптационного индивидуализма, которую в свое время отмечали Игорь Клямкин¹⁵ и Герман Дилигенский¹⁶. Как писали эти и другие авторы, индивидуализм постсоветского человека — не западный индивидуализм, предполагающий наличие гражданского общества, развитой системы социальных связей, культуры участия и т.п. Постсоветский индивидуализм есть прежде всего не вполне адекватная реакция на прежний, насаждавшийся сверху коллективизм. Поэтому его оборотная сторона — распад социальных связей, слабость гражданского общества, неспособность солидарно отстаивать свои социальные и политические права. В отличие от консолидированного западного российского общество атомизировано, причем это относится ко всем его социальным группам, включая политическую элиту, раздираемую внутренней борьбой за власть и не способную защищать не только общенациональные, но и собственные несиюминутные групповые интересы.

Наконец, в 90-е годы так и не завершилось формирование непротиворечивой системы ценностей, которую разделяли бы большинство россиян. Блоки старых и новых ценностей не только не образуют целостности, но и явно или неявно противостоят друг другу. Ценностные конфликты разгораются как между различными профессиональными и социально-демографическими группами, так и внутри их. Ни одна из этих групп не однородна в ценностных ориентациях, а следовательно, непоследовательна и неустойчива в своих предпочтениях. Одним из проявлений этого может стать смена политических установок — от приверженности демократическим принципам к поддержке режима «сильной руки».

Выводы и прогнозы

Итак, российское общество, его элита и основная масса граждан пребывают в состоянии неопределенности и выбора между различными возможностями ценностной эволюции. Среди них — *русский и советский традиционализм, умеренный («просвещенно-патриотический») прагматизм, радикальный западнический либерализм, асоциальный индивидуализм.*

Формально немалая (от трети до половины) часть российского населения привержена «традиционным русским ценностям», однако в сознании многих сторонников такой ориентации переплетаются русское (*соборность, воля/вольница, вера в бога*) и советское (*коллективизм, энтузиазм, равенство, гарантии социальных прав личности*). Некоторые ценности, например *терпеливость, гостеприимство* или *верховенство государственных интересов над интересами личности*, вообще затруднительно отнести только к традиционному русским или только к советским ценностям. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о русском и советском традиционализме как двух связанных между собой, но все же раз-

личных ценностных ориентациях, сторонники которых в совокупности составляют от 30 до 40 проц. населения России.

Тех, кто преимущественно ориентирован на западные ценности и открыто провозглашает это, довольно мало — всего несколько процентов. Для 10—15 проц. россиян западные ценности важны наряду с другими, но западные (такие, как *неприкосновенность частной собственности, невмешательство государства в частную жизнь граждан, деловитость*) они все же ставят на первое место. Так что сторонники радикального западничества, число которых достигло максимума в начале 90-х годов, а затем постепенно уменьшалось, в настоящее время составляют скорее всего не более 5—10 проц. жителей России.

Приверженцев умеренного («просвещенно-патриотического») прагматизма, ориентированных как на западные, так и традиционные русские ценности, гораздо больше, чем сторонников радикального западничества: их доля составляет примерно 40—45 процентов. Большинство из них желают, чтобы в проектах развития России в полной мере учитывались ее особенности, историческая и национальная специфика, но без отказа от западных институтов, западного опыта и открытости страны.

Что касается сторонников асоциального индивидуализма, то их количество оценить трудно. Но, по косвенным данным, их не так уж мало — не менее 10—15 проц. населения. Всё же адепты асоциального индивидуализма, как и радикального западничества, остаются в меньшинстве, и основное ценностное, а тем самым и социально-политическое, противостояние в современной России имеет место между «традиционалистами» и «умеренными прагматиками».

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в ближайшие годы Россию ждут драматические события. Если российской элите не удастся ценностно и политически консолидироваться на более широкой, чем раньше, основе, учитывающей интересы и ценности массовых слоев, страна будет продолжать двигаться от кризиса к кризису, один из которых, возможно, станет для нее роковым. В такой ситуации большинство населения может поддержать «квазиавторитарный» режим, который сначала ликвидирует экономические свободы, а затем, по мере обретения всей полноты господства в экономике, ограничит или отменит вовсе политические права и свободы граждан. При таком сценарии ценностная консолидация элиты и массовых слоев станет возможной, но ценой ее будет уничтожение наиболее либеральной и наиболее современной части российского общества, как это уже было после 1917 года.

Однако фатальной неизбежности подобного сценария (основанного на ценностной «контрреформации» — попытке обеспечить доминирование советских или несоветских ценностей за счет дискредитации ценностей либеральных) нет. Если наиболее здравомыслящие и наименее

ослепленные сиюминутными интересами элитные или околоэлитные группы смогут мобилизовать значительную часть российского населения, ориентированную на ценности умеренного, просвещенно-патриотического прагматизма, исход ближайших и более отдаленных событий, включая выборы, может быть вполне благоприятным.

Примечания

- ¹ *Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Rev. № 53. 1959.*
- ² *Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1971.*
- ³ *Rustow D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. Vol. 2. № 3. 1970.*
- ⁴ *Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Эдиториал УРСС, 1996.*
- ⁵ *Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая / Под общей ред. Л. Шевцовой. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. С. 136–194.*
- ⁶ Всероссийские опросы Фонда «Общественное мнение», проводившиеся по выборке, репрезентирующей профессиональную, социально-демографическую и расселенческую структуру взрослого населения России, представляли собой исследования двух типов. Опросы типа «Монитор», проводившиеся в 1992–1995 годах, включали постоянную составляющую — блок регулярно повторявшихся вопросов об отношении респондентов к наиболее важным социально-политическим изменениям, происходящим в России после 1991-го, а также переменную — несколько десятков сгруппированных по особым тематическим блокам вопросов, имевших целью выявить идейно-политические и ценностные предпочтения представителей различных профессиональных и социально-демографических групп российского населения. Тем самым оказывалось возможным, с одной стороны, проследить динамику основных социально-политических ориентаций жителей России, а с другой — сопоставить их с меняющимися ценностными предпочтениями. Особенностью опросов этого типа было дополнение базовой выборки — с целью более полной репрезентации некоторых малых, но весьма важных при изучении переходного общества профессиональных групп, включающих предпринимателей, руководителей государственных предприятий, работников государственного аппарата управления и др., — специальными, направленными выборками, что позволяло получить чрезвычайно ценную информацию о процессах, происходящих в российском обществе. Опросы второго типа, проводившиеся еженедельно в 1992–1999 годах по стандартной общероссийской выборке, включали около 20–30 вопросов каждый и были посвящены различным, время от времени повторявшимся темам, а также выяснению того, как респонденты относятся к актуальным событиям текущей политической, экономической и культурной жизни. В результате сопоставления и анализа ответов возникала динамичная и многомерная картина их политических и ценностных ориентаций.
- ⁷ *Левада Ю. «Человек советский» пять лет спустя // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 1; он же. Возвращаясь к феномену «человека советского»: Проблемы методики анализа // Там же. 1996. № 5; он же. Теперь мы больше думаем о семье, чем о государстве // Сегодня. 1995. 24 янв.; *Politics, Work and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens / J.R. Milar (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.**

- ⁸ Ближе всего к этому идеально-типическому образу «государства-отечества» советское государство подошло в конце 40-х—начале 50-х годов; с эпохи Хрущева этот идеальный образ стал в свете «реального социализма» блекнуть и размываться.
- ⁹ *Inkeles A., Bauer R.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1959; *Politics, Work and Daily Life in the USSR...*
- ¹⁰ Среди наиболее значимых ценностей, формирующих это размежевание, отметим *права человека, личное достоинство, образованность, профессионализм, трудолюбие, гостеприимство, деньги.*
- ¹¹ *Ментальность* россиян: Специфика сознания больших групп населения России / Под общ. ред. И.Г. Дубова. М.: Имидж-Контакт, 1997. С. 74—75.
- ¹² *Лапкин В. В., Пантин В. И.* Русский порядок // Политические исследования. 1997. № 3.
- ¹³ *Лапкин В. В., Пантин В. И.* Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе: Социологические и социально-психологические исследования. М.: ИМЭМО РАН. 1998. С. 2—33.
- ¹⁴ В этом плане показательны результаты массового международного опроса, проведенного по инициативе фирмы ROPER весной 1997 года среди жителей США, Восточной Европы (Чехия, Венгрия, Польша), Казахстана и России. Согласно его результатам самая важная индивидуальная ценность и у граждан России, и у граждан США — *безопасность семьи*; в десятку наиболее значимых индивидуальных ценностей у жителей и США, и России входит также *свобода в действиях, мыслях* (США — 7-е место, Россия — 10-е место). См. *Голов А.* Индивидуальные ценности и потребительское поведение в России и в США // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 6. С. 32—33).
- ¹⁵ *Клямкин И. М.* Политическая социология переходного общества // Политические исследования. 1993. №4.
- ¹⁶ *Дилигенский Г. Г.* Реформы и общественная психология // Власть. 1998. № 3.